УДК 340 DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-3-146-156

О КОНЦЕПЦИИ НАУЧНОЙ КРИТИКИ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ[1]

Шапсугов Дамир Юсуфович доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, директор центра правовых исследований, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70). E-mail: tha@uriu.ranepa.ru

Аннотация.

В статье анализируются социально-культурные и естественно-научные основания научной критики в юридической науке, особенности исследовательской культуры, ее содержание и технологии, проблема универсализации представлений об истине факта, истине мысли, истине знака (слова), истине справедливости, истине свободы.

Ключевые слова*: концепция, исследовательская культура, свободное мышление, понимание права, социально-культурные основания научной критики, естественно-научные основания научной критики, критерии истины, истина факта, истина мысли, истина знаков мысли (слова), истина справедливости, истина свободы.*

Юридическая наука в одном из своих определений представляет собой накопленное знание, пока еще не ставшее предметом специального анализа, который может быть назван собственно научной критикой, разработка которой приобрела в наше время судьбоносный характер для ее дальнейшего существования и развития.

Опираясь на осознание данного факта, представляется необходимым и возможным гипотетически выделить несколько главных идей, которые могли бы составить ядро концепции научной критики, учитывая важное методологическое положение И.П. Павлова о том, что «без идеи невозможно найти факты», открывающие путь к истине.

В данном случае речь идет о социально-культурных и естественно-научных основаниях научной критики, особенностях исследовательской культуры в юриспруденции, как науки о человеке, и технологий ее реализации. Весь материал научной критики необходимо «пропустить» через «сито» такой исследовательской установки, что позволит получить первый опыт концептуального осмысления научной критики в юридической науке.

В настоящее время имеется достаточно большой объем литературы, посвященной исследованиям критики, создан целый понятийный аппарат, посредством которого выделяются определения критики, ее признаки, принципы, разновидности, приемы и способы. Создана огромная масса информации, которая, в лучшем случае, лишь частично систематизирована. В частности, под критикой понимается часть механизма проверки

[1] Статья публикуется как продолжение дискуссии о научной критике, объявленной автором в номере 4 за 2018 год в журнале «Северо-Кавказский юридический вестник».

достоверности знаний, доказательств, логическая операция по разрушению системы аргументации определенных идей взглядов.

Разумеется, научная юридическая литература также полна критики. Можно сказать, что каждый исследователь анализирует взгляды других ученых, и считается признаком хорошего тона найти недостатки в изучаемых трудах и аргументировать свою собственную точку зрения. Можно привести несколько примеров такой критики. Так, Е.Н. Трубецкой, один из видных отечественных ученых-юристов, разрабатывал концепцию права на основе критики уже сложившихся концепций права. Он считал, что прежде чем перейти к конкретной критике других концепций права, необходимо определить сначала сущность права, а затем, на основе такого определения, анализировать другие концепции. Он анализировал другие определения права с точки зрения их соответствия данному им определению, исходя из недопустимости никакого отклонения от данного им (Е. Трубецким) определения. Отстаивая свое определение права, он давал оправдание даже термину «крепостное право», совершенно серьезно указывая на правомерность его существования, поскольку он предполагает и опирается на идею свободы помещика.

Такого рода критикой наполнена вся эпоха советской юриспруденции. И надо признать, что теория научной критики может быть создана только на основе тщательного изучения всего опыта научной критики в российской юридической науке.

Для специальных исследований научной критики во всех сферах научного знания накоплен огромный материал, представляющий собой реальный предмет исследования для научной критики, и в первую очередь именно он должен быть обобщен. Результаты этого обобщения положат конкретное начало разработке теоретических проблем научной критики в юридической науке.

Из этого материала, который доступен и широко известен, можно сделать ряд предварительных выводов. Один из них – формирование нового всегда связано с критическим осмыслением наличного знания, его содержания и способов получения. И это соотносится с первоначальным значением слова «критика», в переводе с греческого означающего искусство различения, в данном случае знания, понимаемого как свободное искусство его (различения) осуществления.

Отсюда понятно, что первая задача критики – исследование научного знания с точки зрения его содержания, способов получения и применения, которые могут одновременно рассматриваться и как критерии его классификации. Видимо, не случайно известные фундаментальные классификации наук всегда выступали результатом глубокой критики наличного знания. Так, первая известная классификация наук, созданная Аристотелем, совершенно очевидно была результатом фундаментальной критики Аристотелем всего предшествующего знания не только по содержанию (учения о новоначалах), но и по способам его получения и применения.

Не часто обращается внимание на то, что в своей концепции он довел до совершенства сократовский метод определения понятий, обосновав систему категорий вобравших в себя в обобщенном виде все содержание предшествующего знания, придав ему новую завершенную форму – рассудочных понятий, которые почти полностью используются в научном обороте до сих пор, не всегда учитывая их содержание, многократно изменявшееся со времен Аристотеля.

Данная классификация, на наш взгляд, вполне сопоставима с периодической системой элементов Д.И. Менделеева, как с точки зрения фиксации обобщенного знания, так и прогностических возможностей разработанной им классификации.

Можно привести и другой пример научной критики, осуществленной Д. Локком, так же, как и Аристотель, предложившим новую классификацию наук, которая позволила ему выявить сложившуюся, но еще мало кем осознававшуюся систему знаний, названную им символикой, наукой о знаках, тем самым «приоткрыв дверь» исследованиям видимостей, в отличие от реальных предметов, но тоже имеющих бытие, которое характеризуется термином «инобытие».

Даже двух этих примеров вполне достаточно, чтобы объективно оценить роль научной критики в развитии науки.

Юридическая наука, как и любая другая наука, разумеется, всегда содержала в себе критический компонент, проявляющийся в разнообразных формах.

Об этом свидетельствует появление научных юридических школ, развивающаяся отраслевая специализация юридических наук. Накопленный опыт критической оценки наличного юридического знания, носящий пока характер непосредственного рассудочного знания в современных условиях требует перехода к разумному обобщению.

Из изложенных примеров научной критики становится очевидным, что ее предметом является наличное научное знание, содержательно, структурно и целостно определенное. Следовательно, первый этап научной критики – это изучение наличного знания, его науковедческий анализ с целью выявления проблем его развития.

Эта задача в современной отечественной науке решается лишь частично, в основном как анализ отдельных или групповых точек зрения, не охватывающих всю науку в ее целостности и, как правило, завершающихся формулированием еще одной, единственно правильной точки зрения. Можно отметить более широкое проявление этой позиции, когда всей юридической науке навязывается, как единственно правильный, очередной односторонний взгляд на ее содержание и социальную роль.

На данном этапе разработки концепции научной критики, видимо, следует исходить из классической схемы научного познания: гипотеза, аргументация, результат. Первому этапу предшествует анализ состояния наличного знания, выявление разнообразных пробелов, содержащихся в нем, осуществляемое посредством формулирования нерешенных в нем вопросов. Исходя из наличного знания, формулируется, с учетом указанных вопросов, проблема-предположение, подлежащая исследованию, о которой «нечто» все же известно. Именно она кладется в основу выдвигаемой гипотезы. Затем подвергается исследованию ее достоверность путем приведения фактов, подтверждающих или опровергающих ее. Здесь исследователь, так же, как и в случае выдвижения гипотез, должен быть абсолютно свободен, в том смысле, что он будет анализировать любые факты, а гипотеза нужна лишь для определения пути, направления поиска фактов. Ибо, как говорил И.П. Павлов, без идей нельзя найти и факты, но очень важно, чтобы факты были связаны с идеей, независимо от того, подтверждают ли они ее или опровергают. Поиск фактов на такой основе дает возможность подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу (идею), чем обеспечивается непрерывность процесса познания.

В концепции научной критики, опираясь на большой опыт ее исторического существования, который еще предстоит основательно изучить, можно выделить несколько основных направлений.

Представляет значительный интерес научная критика традиционных представлений о мышлении, опирающаяся на естественно-научные основания процессов мышления. Их (традиционных представлений) очевидные недостатки уже явно указывают на недопустимость их дальнейшей абсолютизации.

На данном этапе развития науки о мышлении отдельные отрасли знания, бравшие на себя основную работу по исследованию процессов мышления (философия, социология, науковедение), испытывают острую нехватку конкретных знаний о мышлении, которую должны восполнить современные естественные науки.

Среди них, конечно, ведущая роль принадлежит биологии, нейрофизиологии. Данные именно этих наук позволяют сделать определенный прорыв в исследовании процессов мышления в современной ситуации. В этом процессе чрезвычайно важна психологическая «оснастка» пространства мышления, состоящая в очередном полном пересмотре традиционных представлений о мышлении, признании условий изначальной недостоверности нашего знания, опирающегося на идею существования «объективной реальности», которую человек лишен возможности изучать, и по поводу которой у него возможны только иллюзии, лишь частично исправляемые вмешательством «социальности», «других людей»

в процесс мышления каждого человека [1]. Причиной тому являются складывающиеся независимо от каждого человека нейрофизиологические механизмы мышления, результатом функционирования которых является знание, получаемое человеком. В рамках этих механизмов по этой концепции мозг человека, фактически рассматриваемый как субстанциональный субъект мышления, определяющий содержание мышления и поведения человека, создает стандартизированные нейрофизиологические каналы, по которым проходит то, что мы называем мышлением. Изначально именно нейрофизиологические возможности каждого человека играют определенную роль в его мышлении. Для более четкого уяснения содержания концепции в научный оборот вводятся два основных понятия: интеллектуальные объекты и интеллектуальная функция, полностью охватывающие только мир мышления, в его обособлении от того, что раньше называлось объективной реальностью. В этой связи наше мышление представляется как осуществление интеллектуальной функции, определяющее как содержание мышления, так и социальное поведение человека. В мозге человека преобладают постоянно складывающиеся каналы поступления информации, обработка которой направлена, преимущественно, не на «запоминание», как казалось ранее, каждого отдельного сигнала, а на включение его в уже сложившиеся схемы, стандарты его обработки, при которой специфика ее содержания при ее включении в уже существующий стандарт претерпевает изменения, позволяющие встраивать ее в соответствующий стандарт. Мозг, работающий по такой схеме, создает собственное пространство мышления, развитие которого становится его главной задачей [1].

Как нам представляется, таким, весьма кратким, образом могут быть обобщены результаты огромной работы по исследованию мышления, опирающиеся на передовые психологические концепции, и огромное количество естественно-научных экспериментов, проведенных в ведущих научных центрах по всей планете.

А. Курпатов сумел обобщить огромный исследовательский материал, поставить под обоснованное сомнение привычный нам традиционный способ мышления, практически во всем многообразии его проявлений. Критика устоявшихся стереотипов мышления представляется весьма социально полезной, ставящей перед современными исследователями новые проблемы, которые оказались до сих пор нерешенными, но, благодаря отмеченным исследованиям, мы подошли к их решению. Речь идет не только о вскрытии недостатков традиционного мышления без его естественно-научного компонента, но и о критике самого этого компонента, которая не менее важна, чем первая, что позволяет находить новые аргументы необходимости искать истину о мышлении в совмещающихся исследованиях гуманитарных и естественных наук, продолжающих обособленные поиски ответа на вопрос о том, что есть мышление. И здесь весьма важен вывод о том, что ощущение и мысль никаким «прибором не измерить», даже если достаточно четко представить нейрофизиологические структуры, принимающие и преображающие сигналы извне организма и изнутри. Ибо главное здесь – как возникает мысль и ее знак, насколько они находятся в соответствии или несоответствии друг с другом. Существующее уже объяснение этих процессов, как связанных с возможностью энергетических взаимодействующих полей, по аналогии с возникновением искры при соприкосновении проводов, по которым проходит ток, воспроизводством звука при использование патефона или магнитофона, процессов цифровизации, хотя и можно считать правдоподобными, поскольку носят в целом характер отдельных примеров, все же не объясняющих полно сущность происходящих процессов. Возникновение живого из неживого и обратное превращение его в неживое – часто наблюдаемый даже в обыденной жизни процесс, не все тонкости которого пока достоверно известны.

Важно при этом, чтобы мысль не подгонялась под понятийный аппарат отдельных наук, пусть даже и очень обновленный, чтобы именно она оставалась в центре внимания исследователя, особенно представителя естественно-научного знания, использующего возможности этой отрасли знания для раскрытия того, «как работает ум», в отличие от представителя гуманитарных наук, занимающегося этой темой, имеющего перед

собой массу общих концепций мышления, но не опирающегося на естественно-научное знание.

Главный результат исследований любых наук в этой сфере – идея и понятие о мысли, синтезирующее общие представления о ней, начиная с первого известного высказывания о НУС, автором которого, по мнению Аристотеля, являются Гермонтим и Клазомен и, в особенности, Анаксагор, представления которых об уме, хотя и были предельно общими, но охватывали в силу своей целостности весь спектр идей, высказанных после них многими выдающимися мыслителями, прежде всего по отдельным составляющим изначальную целостность вопросам о мышлении.

Возвращаясь к концепции А. Курпатова с изложенных позиций, можно отметить, что его внимание, преимущественно, сосредоточено вокруг механизмов мышления, нейрофизиологических возможностей мышления, и иногда употребляемый термин «акт мысли» остается без понятного объяснения. Трудно сказать, возможен ли удовлетворительный ответ на этот вопрос на основе изучения механизмов мышления, обнаружения нейрофизиологических энергетических каналов, по которым он протекает, создавая стандарты обработки поступающей в мозг информации.

Но ведь если специфическое содержание поступающей в мозг информации – основы для формирования мысли – не является процессом возникновения мысли, то не следует ли в этом случае употреблять более конкретный термин, чем термин «мышление»? Ведь мышление – термин, производный от «мысли». Если она не возникает в определенном процессе, являющемся только способом стандартизации получаемой информации, то вряд ли обоснованно применение к такому термину термина «мышление».

Разве не получается так, что по нейрофизиологическим каналам приходит некая информация, содержание которой, скорее, безразлично для самих этих каналов? Но ведь на каком-то этапе неизбежно возникает мысль, приводящая в движение организм, которой не могут быть сами названные каналы.

Таким образом, здесь мы находим много интересных подходов к определению мышления, но не находим ответа на вопрос о том, что есть мысль. Она растворена в нейрофизиологических и психических процессах, которые долгое время с такой убедительностью просто не излагались в концентрированном виде на междисциплинарном уровне.

В ряде современных научных исследований мышления, опирающихся на естественно-научные источники и эксперименты, подчеркивается роль «социальности»в обеспечении активности мышления, обосновывается идея о том, что только при наличии «другого», отличного от собственного «я», собственно и начинается мышление. Правда, это начало мышления пока еще не идентифицировано, подробно не рассмотрено, но суть происходящего находит свое выражение в пока еще насильственно введенных в научный оборот новых понятий, таких, как «интеллектуальный объект», интеллектуальная функция, «дефолт системы мышления» (ДСМ) [1]. Такая постановка вопроса, разумеется, связана с необходимостью выявления не просто «социальности», а прежде всего, культуры человека в широком смысле этого слова, одной из разновидностей которой являются и культура мышления, исследовательская культура.

«Внедрение» социальности в мышление – достаточно частое явление в юридической науке, встречающееся практически в каждой ее разновидности. Поэтому предметом специального анализа должен стать опыт юридической науки по закреплению «социальности» в законодательстве и практике его применения. Особенно значим такой анализ в базовых отраслях права, на что обращается внимание, например, в научной литературе по гражданскому и предпринимательскому праву [2, с. 3 – 5].

Научная критика, при рассмотрении ее в контексте культуры мышления, уже не может оставаться в «сухих» рамках чистой рациональной науки. Ее история с неизбежностью становится важнейшей частью человеческой культуры. Этот аспект исследова-

ния научной критики становится в этом случае неотъемлемым компонентом ее внутреннего содержания, находящим свое выражение в ее внутренней и внешней формах.

Такой подход к научной критике, как нам представляется, просто необходим, в связи с чем возникает проблема анализа естественного механизма их взаимопроникновения.

Одно из направлений изучения этого взаимодействия – это рассмотрение моделей культуры человека как источников научной критики, задающих ей социально – духовно – нравственное содержание. Здесь мы имеем в виду культуру стыда, культуру вины, культуру совести, справедливости и свободы, которые сопровождают все виды деятельности человека, в том числе и его познавательную деятельность, иногда определяя критерии для определения технологий познания и мышления.

Трудно оспорить, что в современном развивающемся мире само сохранение человека, его генетического кода напрямую связано с указанными выше его социально-психологическими и духовно-нравственными качествами, которые, разумеется никак не могут оставаться неизменными. Человечество уже пережило несколько эпох радикальной смены своих ценностей, каждая из которых воспринималась людьми как величайшая катастрофа, но происходило их обновление, обеспечивавшее его дальнейшее развитие. При этом надо это особо отметить, что слова «стыд», «вина», «совесть», «справедливость», «свобода» не исчезли из языка ни одного народа, не перестали выступать критериями его социального поведения, безусловно определяемого его сознанием и мышлением. Данное обстоятельство свидетельствует и о нейрофизиологическом его закреплении, превращающем естественные реакции, происходящие в организме человека, в связи с таким закреплением в систему гарантированного их проявления и в будущем.

Рассматривая с этой точки зрения названные выше модели культуры, мы приходим к пониманию того, что с точки зрения культуры, речь здесь идет не просто об отдельных эмоциональных проявлениях отдельных познавательных идей, а об их «вырастании» в культуре стыда, вины, совести, состязательности, справедливости, свободы генетически предопределяющих изначальное содержание, поддерживающее единство социальных общностей, в которых они формируются, становятся определяющими ориентирами, выделяющими их из окружающего мира, постоянно действующим выражением живой мысли, управляющей человеком и его мышлением. В этих словах, ставших ее застывшими знаками и, следовательно, не способных полностью выразить ее в развитии и идеальном действии, постоянно, в силу своей нейрофизиологической закрепленности в мозгу человека, проявляет себя живая мысль, как производитель и носитель энергии, управляющей жизнедеятельностью человека.

Названные модели культуры в научной критике имеют отношение не только к самому содержанию получаемого знания, но и к способам деятельности по их получению. В обобщенном виде они образуют социально-культурные основания научной критики.

Другим ее компонентом концепции научной критики является ее рассмотрение как разновидности исследовательской культуры в современной науке. Нельзя сказать, что это направление, несмотря на наличие огромного материала для анализа, в достаточной степени подверглось необходимым обобщениям.

В данном случае, исходя из представлений о культуре в ее направленности на процессы познания и мышления, можно исходить из понимания исследовательской культуры как исторически преемственно развивавшихся технологий познания, выступавших как развернутые системы познания, созданные выдающимися мыслителями человечества[1].

Одним из результатов этой деятельности стал считающийся классическим способ мышления, кратко выражаемый в формуле: выдвижение гипотезы, проверка ее основа-

[1] Данное суждение нашло отражение в подготовленной к изданию в 2019 г. монографии: *Шапсугов Д.Ю*. Проблема свободного мышления в юридической науке.

тельности на соответствие научным фактам и логике, аргументация, научный результат в виде истинного знания [3].

В очень сложной теме, отражающей анализ этой проблематики, можно выделить два основных момента. Первый связан с исторической традицией сначала определять сущность исследуемых предметов, явлений, устанавливая тем самым предмет исследования, а затем уже анализировать этот предмет способом, предложенным и конкретно реализованном еще Платоном, и развитым Аристотелем – исследование того, что есть. Хотя этот метод рассмотрен и в современной научной литературе и, можно сказать, считается, признаком высокой исследовательской культуры, все же он имеет существенные изъяны, которые подробно проанализированы еще Гегелем. Их суть может быть сведена к тому, что сначала определяется сущность предмета, который еще только надлежит исследовать, и в этом случае исследование подчинено уже определенной парадигме и, поэтому, несвободно. В тех случаях, когда научную истину пытаются «загнать» в замкнутую систему понятий закрытого знания, этот метод работает достаточно эффективно. Но современная наука уже не должна заниматься созданием замкнутых систем знания, а предпочитает стремиться к тому, чтобы оно было открыто для развития в смысле возможности саморазвития, сопряженного с развитием предмета, раз и предварительно определенная сущность не всегда даже способна выявить состояние предмета, не говоря уже о его развитии.

В указанной выше классической модели эта опасность преодолевается тем, что любое исходное определение, положение в начале исследования рассматривается лишь как предположение, гипотеза, которая постоянно проверяется на соответствие бесконечному числу научных фактов, которым она должна соответствовать.

В этой сложной исследовательской работе по проверке гипотез фактами не следует игнорировать уже упоминавшееся очень важное правило, сформулированное естествоиспытателем И.П. Павловым, реализация которого требует высокого исследовательского профессионализма, поскольку без идеи, согласно этому принципу «не найдешь никаких фактов», но и «подбирать» факты под идею – означает идти не к истине, а к заблуждению. Нахождение и соблюдение находящейся в этой дилемме тонкой грани и является показателем высокой исследовательской культуры, или полного ее отсутствия.

Другим проявлением классического метода познания и мышления является понимание этапности познания и мышления, в соответствии с которым начальный этап исследования, связанный с получением исходной информации от ощущений из наличного знания, рассудочно обобщается, создавая знание о существующем, видимом, доступном, единичном как предпосылку для перехода к разумному мышлению, способному создать знание о несуществующем, существующем невидимом, непосредственно недоступном, всеобщем. В соответствии с практикой исследовательской культуры названные положения могут и должны составить компоненты технологического основания научной критики.

С этой точки зрения четко высвечиваются особенности научной критики, которой органически не свойственны страсти, абсолютизированные мнения, доисследовательские убеждения, ибо они (особенности) выступают как явление исследовательской культуры, а не самодурства или произвола исследователя. И суть ее в этом качестве состоит, грубо говоря, в контроле за соблюдением ее (исследовательской культуры) требований. Именно в этом состоят критерии научной критики, находящиеся в постоянном развитии, и зависящие только от того, обеспечивается ли свободное движение к истине, или мы имеем несвободное последовательное движение к заблуждению

В данном случае речь идет о совместимости истины мысли, истины факта, истины слова (знака) и путей отыскания их совместимости, поскольку расхождения мысли, факта и знака, их выражающего, делает невозможной научную истину. Достижение такой совместимости возможно при свободном мышлении, возможном как постоянная проверка соответствия исследовательского пути, метода, предмету, к познанию которого оно стремится как к неизвестному, но доступному для познания. Это путь реализации требований исследовательской культуры, отступление от которых является выражени-

ем несвободы мышления, и, следовательно, невозможности успешного завершения исследования установлением истины.

Имеющее место непонимание свободного мышления почти всегда исходит из ложного отождествления свободы с произволом. Свободен ли человек, принимающий решение под воздействием различных страстей, а равно мнений, точек знания, т.е. находящийся в оковах рассудка?

Здесь необходимо подчеркнуть, что установленный Д. Локком компонент концепции научной критики – это понимание и соблюдение принципа раздельного исследования истины мысли и истины слова, дающие другую логику и другую критику по сравнению с тем, на чем базируется существующая наука [4, с. 57].

В свое время еще Д. Локк четко обосновал идею, в соответствии с которой «абсолютно необходимо истину мысли рассматривать отдельно от истины слов. Если бы они были бы взвешены отдельно и рассмотрены, как следует, они, быть может, дали бы нам логику и критику, отличную от той, с которой мы были знакомы до сих пор» [4, с. 57].

Разумеется, в современной научной юридической литературе можно встретить огромное число критических высказываний относительно выдвинутых в ней точек зрения практически по любому конкретному вопросу. Здесь мы имеем дело со сложившейся практикой логики и критики отождествления мысли и слова, приводящей к господству слова над мыслью, что, с точки зрения Д. Локка, недопустимо, поскольку в его классификации наук слово отнесено к наукам о знаках, а не о вещах, и не тождественно с ними.

«На мой взгляд, – подчеркивает Д. Локк, – истина в собственном смысле означает соединение и разъединение знаков сообразно соответствию или несоответствию обозначаемых ими вещей друг с другом» [4, с. 50]. Истина поэтому относится только к высказываниям. «Разыскивания» бывают двух видов: мысленные и словесные. Двух видов бывают и знаки: идеи и слова. Следовательно, и истины могут быть мыслительные и словесные. Отсюда истина есть верное соединение знаков, т. е. идей и слов, называемое понятием, высказыванием [4, с. 50].

Словесные истины формулируются на основе ограничивающих правил. Мыслительные же истины формулируются исключительно от свободного мышления.

Отмеченное выше разграничение истины мысли и истины слова, установления и возможности их соответствия представляется чрезвычайно важным для юриспруденции. Для нее характерно искать истину в слове, изначально отождествляемом с истиной мысли. Методологические основы такого отождествления, созданные мыслителями, отдававшими предпочтение в плане его достоверности опытному, эмпирическому знанию, были рассудочно обобщены К. А. Гельвецием, сформулировавшим принцип его получения.

В главе VI «Об остроумии» он писал: «Прекрасным называется то, что нравится во все времена и во всех странах. Но чтобы составить об этом более точное и ясное представление, может быть, было бы нужно в каждом искусстве рассмотреть, что является в нем прекрасным. Такое исследование дало бы возможность легко вывести идею прекрасного, свойственного всем искусствам и всем наукам, а затем создать из этого отвлеченную или общую идею прекрасного» [5].

Нетрудно доказать, что на этом принципе основывается все прошлое и современное позитивистское знание о праве, хотя недостатки такого подхода были ярко продемонстрированы его современником Д. Дидро [6], осознаны и почти преодолены в немецкой классической философии, особенно Г. Гегелем, создавшим завершенную систему рационально-разумного понимания права.

Этот принцип получения эмпирического знания и формулирования отвлеченных идей как рассудочных обобщений, достоверность которых подтверждается частными примерами, получивший название эмпирического мышления, по нашему мнению, прочно закрепился в позитивизме и позволил ему стать господствующим в юриспруденции, захватив главные сферы существования и действия права, посягнув даже на философию права созданием так называемой философии положительного права.

В позитивистской одежде юриспруденция ищет истину в слове и не знает не совпадающей с ней истины мысли. Слово приобрело в ней значение едва ли не единственного способа выражения ее содержания. Причем проблема отчуждения мысли в слово здесь приобрела характер тщательно регламентированной технологии как производство того, что в позитивизме принято считать правом, так и того, что считается его толкованием и реализацией.

Мы знаем историю юридической терминологии, но не знаем историю правовой мысли, поэтому вынуждены называть правом несовместимые по содержанию терминологические его обозначения в разные эпохи истории человечества, обосновано отрицать правовой характер применительно к большой части человеческой истории.

Позитивизм в разных вариантах жестко объявляет, то, что считает правом, не различая право и его видимость, превращая рассудочные определения и представления в правовые понятия, не стремится к обозначению условий, при которых становится возможным хотя бы приближение, сближение содержания правовой мысли и его словесного выражения, ибо на этом пути он встречается с непреодолимой им проблемой сущности права.

В свете изложенного представляет весьма большой интерес проблема соотношения свободы мысли и свободы слова, которые в обыденной жизни чаще всего трактуются как одно и то же[1]. Однако, по своей внутренней природе подлинно свободной, как это показал И.П. Павлов, может быть только мысль, а не слово, являющееся лишь одним из ее знаков. При этом слово не просто знак мысли, но может выступать как «застывающая», или «застывшая» в слове мысль, характеризующее процесс отчуждения мысли в слово.

Игнорирование этих и других возможностей может иметь своим последствием неустановленность, незафиксированность мысли, что является несостоявшимся познанием. Вместе с тем каждая из таких возможностей может стать точкой отсчета в трактовке ее содержания.

В расшифровке этих процессов могут быть найдены, определены ответы на вопросы о соответствии и несоответствии мысли и знака, что равносильно установлению истинности или ложности слов. Истина же мысли имеет отношение к предмету ее вызвавшему.

Отчужденная в слове мысль может быть возрождена (созданием, восстановлением) условий, в которых она возникла, либо условий, приведших к возникновению слова как знака мысли, особенности которых также могут помочь в поиске истины мысли. Но это уже сфера экспериментов, в которую юриспруденция не смеет ступить. Она останавливается не этапе отчуждения мысли, где и происходит переход свободы мысли в несвободу слова, как знака, приобретающего определенное постоянное, содержание, составляющее основу его несвободы. Свободная мысль может получать сколько угодно знаков, пока она жива, но ни один из них не может полностью воплотить ее постоянно развивающее содержание.

Отмеченные здесь проблемы составляют предмет самостоятельной отрасли знания, которая может быть определена как научная критика. Ее неразвитость, сведенность ее существующего содержания к борьбе мнений, точек зрения, представляются глубинными основаниями ее современного болезненного состояния, именуемого кризисом юридической науки.

Сущностно она (научная критика) определяется как свободное мышление, преодолевшее оковы рассудочного мышления, не допускающего «хитрости» рассудка и разума, а также произвола исследователя. Создание такой науки стало судьбоносной задачей юридической науки.

Исходя из изложенного, можно сформулировать общий вывод о том, что научная критика не может быть сведена ни к одной из господствующих ее трактовок. Не может

[1] Интересные суждения по этому поводу высказаны А.Павловым в лекциях «Об уме вообще, о русском уме в частности»: публикация Ю.А. Виноградова и В.О. Самойлова // Природа. 1999. № 8.

быть она и простым их сложением в искусственно созданное целое. Научная критика, понимаемая как разновидность исследовательской культуры, представляет собой надлежащим образом организованное и проведенное исследование, в основе которого лежит ставший классическим метод исследования.

Научная критика должна показывать, как организовано и проведено исследование анализируемых предметов, явлений, проблем и насколько оно соответствует сложившимся требованиям исследовательской культуры, содержать с этой точки зрения анализ научного результата, достигнутого рассматриваемым исследованием на основе свободного мышления, исключающего произвол исследователя во всех случаях.

Концепция научной критики включает в качестве главных компонентов социально-культурные основания (культура стыда, культура вины, культура совести, культура справедливости, культура свободы) опирающиеся на естественно-научные основания (психологические и нейрофизиологические возможности и особенности человеческого организма), и исследовательскую культуру, в которой реализуется различие и единство истины факта, истины мысли, истины слова (знака – в широком смысле слова), анализируется возможность соотнесения этих разновидностей истины между собой с тем, чтобы сформулировать истину рассматриваемого предмета, явления, проблемы в целом.

Индивидуальный подход, точка зрения правомерно существуют в науке, но только как гипотеза, нередко легко превращаемая в аксиому, единственную истину, без проведения следующей необходимой операции – эксперимента по проверке этой гипотезы на неограниченном количестве научных фактов.

Более того, согласующиеся по содержанию мнения, точки зрения могут быть обобщены в тип понимания, но и он является лишь гипотезой, т. е. предположением, легко опровергаемым представителями другого типа правопонимания.

Научная критика в том виде, в котором она была представлена в юридической литературе до настоящего времени, не в состоянии реализовать две предыдущие задачи. Сегодня необходима новая технология – технология свободного мышления, потребность в которой «выстрадана» всей историей юридической науки. Наступила пора, когда эта потребность может и должна быть удовлетворена. В свободном мышлении юридическая наука может, наконец, обрести свой действительный метод.

Литература

1. Курпатов А. Мышление. Системное исследование. СПб., 2019.
2. *Шапсугова М. Д.* Проявления публичности публичного договора в российском праве // Гражданское право, 2016, № 3.
3. *Режабек Е. Я.* Научный поиск. Ростов на Дону, 1974.
4. Локк Д. Опыт о человеческом разумении. Собр соч. в 4 т. Т. 2. Кн. 1, 1994.
5. *Гельвеций.* Об уме: Антология фрагментов классических текстов западноевропейской философии. Гл. VI. М., 2002.
6. *Дидро Д.* Размышления по поводу книги г-на Гельвеция «Об уме»: Соч. в 2-х т. Т. 2, с. 44 – 52 книги Гельвеция «О человеке» М., 1991.

Shapsugov Damir Yusufovich, Doctor of law, Professor, the head of the department of the theory and history of law and state, the South-Russian Institute of Management – branch of the Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: tha@uriu.ranepa.ru

ON THE CONCEPT OF SCIENTIFIC CRITICISM IN LEGAL SCIENCE

Abstract

The article analyzes the socio-cultural and natural-scientific foundations of scientific criticism in legal science, the features of research culture, its content and technology, the problem of universalization of ideas about the truth of fact, the truth of thought, the truth of the sign (word), the truth of justice, the truth of freedom.

Keywords: *concept, research culture, free-thinking, understanding of law, social and cultural foundations of scientific criticism, natural scientific foundations of scientific critique, criteria of truth, the truth of fact, truth of thought, truth of thought signs), truth of justice, truth of freedom.*

References

1. Kurpatov A. Myshlenie. Sistemnoe issledovanie. SPb., 2019.
2. SHapsugova M. D. Proyavleniya publichnosti publichnogo dogovora v rossijskom prave // Grazhdanskoe pravo, 2016, № 3.
3. Rezhabek E. YA. Nauchnyj poisk. Rostov na Donu, 1974.
4. Lokk D. Opyt o chelovecheskom razumenii. Sobr soch. v 4 t. T. 2. Kn. 1, 1994.
5. Gel'vecij. Ob ume: Antologiya fragmentov klassicheskih tekstov zapadnoevropej-skoj filosofii. Gl. VI. M., 2002.
6. Didro D. Razmyshleniya po povodu knigi g-na Gel'veciya «Ob ume»: Soch. v 2-h t. T. 2, s. 44 – 52 knigi Gel'veciya «O cheloveke» M., 1991